

ОТЗЫВ

о диссертации Александра Сергеевича Виноградова «Звук в мифопоэтике Бориса Пастернака 1910-1920 годов», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Борис Пастернак в настоящее время – один из наиболее изучаемых авторов XX века. Этому способствует и высокая значимость творчества писателя, и сложность его произведений. При всем внимании современных ученых к Пастернаку в изучении его творчества остается множество пробелов. Одна из таких лакун заполняется диссертацией Александра Сергеевича Виноградова.

Приступая к анализу диссертации, необходимо пояснить, что звук рассматривается в диссертации А.С. Виноградова не в качестве единицы звуковой организации художественной речи, а как художественный образ. То есть в диссертации рассматриваются образы, репрезентирующие звук в любом его проявлении: крик, лира, шум, колокол, шелест, шорох, звон и т.п.

Такая тема вполне уместна при изучении творчества поэта, для которого поэзия явилась как продолжение (а может быть, замещение) музыки. Об аудиальном мышлении Пастернака писалось и ранее, но всегда мимоходом или в небольших статьях. Крупная по объему, подробная по содержанию, новая по смыслу работа А.С. Виноградова в контексте изучения творчества Пастернака вполне закономерна и своевременна.

То, что звук изучается в контексте мифопоэтики, усиливает интерес к работе А.С. Виноградова: мифопоэтика, как известно, является важнейшей составляющей творчества Пастернака.

Диссертация включает две главы. Первая глава – «Поэтическое мышление Пастернака в модернистском контексте: звук и миф» – является результатом глубокой проработки диссертантом связанных с его работой эстетических установок модернизма. Она представляет собой преамбулу к

собственно изучению образов звука в стихотворениях Пастернака, которое сосредоточено во второй главе. Большая роль, которая отводится в диссертации модернистскому контексту творчества Пастернака, представляется вполне оправданной. Поэтическое мышление Пастернака складывалось под влиянием бурно развивающегося в русской культуре в годы его юности модернизма. Желание исследователя, приступая к анализу поэтического творчества поэта, показать фон, на котором оно существовало, продемонстрировать идеи, которые легли в его основу, в данном случае понятно.

В первом параграфе этой главы («Ключевые эстетические установки модерна: миф, синтез искусств, “дух музыки”») исследователь сосредотачивается на эстетике символизма. Обозначив неомифологизм и синтез искусств как ключевые установки символизма и подчеркнув влияние Ницше на ранний русский модернизм, он делает акцент на теориях звука А. Белого и Вяч. Иванова и в меньшей степени В. Брюсова.

Известно, что отношение Пастернака к А. Белому, В. Брюсову, Вяч. Иванову (и степень их влияния) не одинаково. Однако при чтении диссертации А.С. Виноградова создается впечатление, что степень увлеченности Пастернака идеями и теориями каждого из перечисленных современников и те пути, по которым шла рецепция, остается вне сферы интересов диссертанта. Правомерен ли такой подход? Думается, что в данном случае он, во всяком случае, допустим. Во-первых, эти пути неплохо изучены, а во-вторых, эстетические идеи символизма в период вхождения Пастернака в литературу носились в воздухе, и образованный юноша был хорошо с ними знаком вне зависимости от степени человеческой близости с представителями символизма.

Следующий параграф посвящен концепции звука у футуристов и близких к футуризму деятелей формальной школы. Подчеркнем, что и в этом параграфе, как в предыдущем, автор диссертации проявляет способность глубоко вчитываться в сложный теоретический текст. Чтобы подвести

читателя к истокам пастернаковской теории звука, А.В. Виноградов излагает свое (достаточно глубокое) понимание сложных теоретических выкладок теоретиков модернизма.

Наконец, третий параграф посвящен влиянию на Пастернака, собственно, музыки. И здесь также автор диссертации глубоко проникает в сущность явления. Не ограничиваясь пересказом непростых музыкальных обстоятельств Пастернака, А.С. Виноградов опирается на наблюдения предшественников (в частности, Б. М. Гаспарова и Л.С. Флейшмана) и соотносит музыкальный опыт поэта с проявившимися особенностями его поэтического творчества. Аудиальное мышление Пастернака иное, чем у символистов или футуристов. Диссертант с опорой на труды предшественников и на переписку поэта с О. Фрейденберг показывает составляющие, из которых в 1910-е годы складываются эстетические представления Пастернака. И приходит к выводу о преимущественно аудиальном поэтическом мышлении Пастернака: музыка отражается в поэзии в том числе через ритм. Аудиальное мышление Пастернака при этом теснейшим образом связано с отношением к искусству как к сакральной деятельности (что хорошо соотносится и с символистским пониманием искусства).

Далее А.С. Виноградов обращается к трудам мифологов и показывает, что и самая мифология (в значительной степени определяющая поэтическое мышление Пастернака) отнюдь не равнодушна к ритму. Данное положение он подкрепляет цитатами и выкладками из Кассирера и Фрейденберг.

Достигнутое исследователем понимание сущности аудиального мышления Пастернака подводит его к необходимости рассматривать звук в контексте творчества Пастернака в тесной связи с мифопоэтической основой его творчества. Для подкрепления этой мысли он обращается к ранним прозаическим наброскам Пастернака. А.С. Виноградов исследует эти наброски с точки зрения изображения звуков и находит подтверждение склонности Пастернака к мифопоэтической разработке звука.

Здесь представляется весьма перспективным для дальнейшего изучения творчества Пастернака наблюдение диссертанта о «размывании символических значений», свойственном поэтике Пастернака. Анализируя связанные со звуком образы А.С. Виноградов приходит к выводу, что универсальные символические знаки звука или образа, сохраняя отсылки к узнаваемым контекстам, в стихотворениях Пастернака претерпевают нейтрализацию символического значения. Происходит своего рода овеществление символа. Символ в поэтическом мире Пастернака метонимически совмещается с предметом. Символ сквозит сквозь предмет, существуя на грани миров, ситуаций, обстоятельств. Возможно, наблюдение А.С. Виноградова над образом звука может быть распространено на другие образы поэта.

Возможно, этот анализ более органично воспринимался бы во второй главе, где, собственно, и сосредоточено исследование текстов Пастернака. Впрочем, перенос анализа прозаических отрывков в первую главу легко объясняется высокой теоретической направленностью ранней прозы поэта.

Вторая глава полностью посвящена «образам звука» в раннем поэтическом творчестве Пастернака.

Образ звука является в стихотворении «Эдем» вначале через образ лиры, потом через невнятный шум творения, потом явственным голосом творимого поэтом пространства. Образ звука – это и «себя отпевший лебедь» из стихотворения «Ганимед». А.С. Виноградов (почти без пояснений) связывает этот образ с отказом от романтизма, хотя книга «Блинец в тучах» писалась еще в романтической манере. Напомним, что об «отказе от романтической манеры» сам поэт заговорил в связи с разрывом с футуристами в 1916 году. Во всяком случае, утверждение об «уходе от романтизма» в 1913 году (стихотворение «Эдем» открывает книгу стихов «Блинец в тучах», изданную в этот год) требует серьезных пояснений, а не констатации мимоходом, как это сделано в диссертации.

Мы упомянули этот крохотный недочет, потому что он, к сожалению, типичен. Хотелось бы видеть в диссертации более последовательное соблюдение принципа историзма. А.С.Виноградов порой сближает стихотворения из разных книг, не указывая на временной разрыв. От «Близнеца в тучах» (1913 год) он без каких-либо пояснений делает резкий скачок к «Темам и вариациям» (1923 год), объединяя анализ присутствующим в стихотворениях образом лебединой песни. Между тем, за 10 лет многое переменилось в эстетических взглядах Пастернака, и пояснение (хотя бы указание на время) необходимо. Обидно, что, так тонко анализируя сложные тексты Пастернака, исследователь своим пренебрежением к историзму лишает нас возможности доверять его анализу безоговорочно. Впрочем, анализируемый вслед за *лирой* образ *колокола* показан уже в историческом развитии – время написания (пусть приблизительно) отмечено, показано, как развивается образ во времени.

Анализируя образы звуков в разных стихотворениях, А.С. Виноградов показывает, что в подавляющем большинстве случаев они отражают тему творчества. Музыкальные образы, как правило, отягощены символическими значениями. Изначальная символизация отчасти стирается в пастернаковских текстах. Поэт строит образ в новой ситуации, не отказываясь полностью от прежней. А.С. Виноградов называет это помещением образа в «рубежное пространство». Образ получает «пороговое существование». Данное наблюдение представляется нам чрезвычайно ценным. Оно может получить развитие в дальнейшем изучении пастернаковского творчества и даже пояснить некоторые основополагающие особенности поэтики Пастернака.

Во втором параграфе данной главы рассматривается специфическая функция «образа звука» – участие в создании темы творчества, которая, как уже писалось, у Пастернака предстает как тема творения, творческого пересоздания действительности. Опять – практически по той же методике, что и в первом параграфе, то есть опираясь на многочисленные и тонко проведенные, однако данные вне последовательности пастернаковского

развития примеры, – диссертант показывает, что «образ звука» и творение мира (текста) в пастернаковских стихотворениях неразрывно связаны; что звук влечет за собой творчество, создавая его особое, аудиальное пространство.

Третий параграф посвящен роли «образа звука» в создании пастернаковского космогенеза.

В целом весьма и весьма высоко оценивая диссертацию А.С. Виноградова, отдавая должное глубокому проникновению диссертанта в тонкости поэтики Пастернака, мы не можем принять проявляющуюся при анализе фрагментарность: нередко анализируются куски из стихотворений разных периодов в отрыве от времени написания и даже от контекста стихотворения (не говоря уже о контексте книги стихов). Между тем, для Пастернака, единство творчества которого подчеркивает и сам А.С. Виноградов, контекст очень важен. Приведем только один пример. Анализируя (и достаточно тонко) стихотворение «Дурной сон» А.С. Виноградов связывает его со стихотворением «Распад». Он не упоминает, что «Дурной сон» передает ощущения начала 1-ой мировой войны, а «Распад» - лето 1917, время и смена событий задают иную тональность; «Распад» совершенно другое по ощущению. Судя по замечанию на с. 81, А.С. Виноградов и «Распад» связывает с мировой войной. Между тем, чтобы убедиться в другом, достаточно было посмотреть Примечания, уже не говоря о том, что о «Распаде» имеется (как минимум) замечательная статья В.Г. Смолицкого.

Кстати, отсутствие опоры на предшественников является вторым серьезным недостатком диссертации. А.С.Виноградов порой анализирует неплохо исследованные пастернаковские тексты так, как будто до него никто об этом он не писал. Ссылки даются не всегда. Например, влага как неперенный компонент творчества отмечалась многократно, начиная с первых статей о Пастернаке 1970-х годов, – при чтении же диссертации можно подумать, что это увидено впервые, ведь ссылок нет. В тех случаях,

где отсылки есть (например, указание на А.К. Жолковского при анализе стихотворения «Раскованный голос»), они весьма украшают диссертацию.

Третий недостаток мы видим в том, что иногда серьезные утверждения даются недостаточно доказательно. Так, стихотворение «Урал впервые» практически без подтверждений связывается автором диссертации с повестью «Детство Люверс». Одного общего мотива «знакомство с Уралом» для такого утверждения мало. «Детское восприятие», отмеченное в стихотворении А.С. Виноградовым, необязательно отсылает к Жене Люверс. Незатертость, «детскость» изображения мира как бы увиденного впервые – общее свойство поэзии Пастернака, неоднократно зафиксированное исследователями.

Скажем сразу, что отмеченные недостатки могут быть вызваны большим объемом работы. В целом они отнюдь не отменяют несомненные и большие достоинства труда А.С. Виноградова. Диссертация отличается ярко проявленной научной новизной. Новизна обусловлена отнюдь не только неисследованностью темы, но и глубоким пониманием пастернаковских текстов, свойственным автору диссертации, и его способностью к широким обобщениям. А. С. Виноградов показывает пастернаковские стихотворения в контексте модернистских эстетических идей и в контексте мифопоэтики. Это две главнейшие определяющие творчества поэта. Исследование А.С. Виноградова убедительно демонстрирует, что «образы звука» в поэзии Пастернака, отчасти стирают свойственные им ранее символические значения, но обретают взамен новые – свойственные именно поэтике Пастернака. На первый план в его образах выходят космогоническое и связанное с темой творчества начала. Звук меняет оттенки в зависимости от того, в какие образные ряды он встраивается. Звук в стихотворениях 1910-1920 годов, как правило, провоцирует проявление творчества – так же, как дождь, или ночь, или север. Звук активно встраивается в свойственные раннему Пастернаку повторяющиеся связки с другими образами. Важным выводом представляется нам и обнаруживаемая диссертантом зависимость

между космогенезом и творческим пересозданием мира в поэзии Пастернака. В работе много интересных частных замечаний, относящихся к отдельным стихотворениям.

Наблюдения и выводы исследования Александра Сергеевича Виноградова имеют ряд перспектив, они будут способствовать дальнейшему развитию пастернаковедения.

Результаты исследования отражены в 9 публикациях, из которых 3 – в периодических научных изданиях, входящих в перечень ВАК. Автореферат соответствует структуре и содержанию диссертационного исследования.

Диссертационное исследование Александра Сергеевича Виноградова полностью соответствует требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013г. № 842), а его автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

7 мая 2017 г.

Доктор филологич. наук, профессор,
профессор кафедры литературы
и журналистики Смоленского
государственного университета

Л.Л. Горелик.

Подпись *Горелик Л.Л.*
Л.Л. Горелик
Начальник отдела кадров
Смоленского государственного университета